

Сюжет в литературе и фольклоре

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-5-17

Сюжеты литературных эпитафий XVIII–XX веков

Ксения Вадимовна Абрамова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Аннотация

Статья посвящена анализу сюжетов, появляющихся в стихотворных эпитафиях XVIII–XX вв. Исследование посвящено такой разновидности данного жанра, как литературная эпитафия, под которой понимается произведение, посвященное памяти умершего, существующее в виде публикации, в отличие от реальной эпитафии, которая размещается на надгробном камне. Мы отмечаем, что такие жанровые признаки, как небольшой объем, лапидарность, формульность, тематика, приводят к возникновению особенностей в сюжетном построении эпитафий. В таких произведениях событийность становится скрытой, лишь угадывается по «наметкам», т. е. тем образам и характеристикам, которые присутствуют в тексте. Но мы отмечаем, что в случае эпитафий невозможно говорить ни о сюжете в том виде, в котором он рассматривается в эпических или драматических произведениях, ни о возникновении лирического сюжета, поскольку сюжет эпитафии, который полностью не проявлен в тексте, может быть восстановлен, хотя пересказать его, как правило, невозможно. Мы выделяем и описываем сюжеты, которые можно условно назвать «смерть невесты», «жизнь праведника», противоположный последнему сюжет о ничем не примечательной жизни и его вариации, в том числе сатирические и философские. Отдельно останавливаемся на идиллических сюжетах в эпитафиях, а также рассматриваем эпитафии, посвященные животным, птицам и другим необычным субъектам (пчелке, кошельку, теленку, накладкам и высоким прическам, эпитафии). Таким образом, в исследовании рассмотрены некоторые сюжеты, характерные для русских стихотворных эпитафий XVIII–XX вв., на примерах проанализированы сюжетные знаки и способы их введения в текст. Также нами показано, что в литературных эпитафиях могут быть использованы искажения традиционных формульных фраз, чтобы создать сатирическое содержание. Кроме того, нами выявлено, что с той же целью в эпитафиях, посвященных какому-либо общественному явлению или предмету, сюжетная составляющая может быть практически полностью вытеснена из текста.

Ключевые слова

эпитафия, литературная эпитафия, стихотворная эпитафия, сюжет, эпиграмма, сатира, сюжетный знак, эпиграмма

© Абрамова К. В., 2024

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2024. № 4. С. 5–17
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 4, pp. 5–17

Plots of Literary Epitaphs of the 18th – 19th Centuries

Ksenia V. Abramova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Abstract

Our article is devoted to the analysis of plots appearing in poetic epitaphs from the 18th to the 20th centuries. The study focuses on a specific variety of this genre known as the literary epitaph. This term refers to a work dedicated to the memory of the deceased, existing in the form of a publication, distinguishing it from a real epitaph, which is placed on a tombstone. We note that features such as small volume, lapidary nature, formulaic style, and subject matter are characteristic of this genre and lead to distinctive elements in the plot structure of epitaphs. In such works, the eventfulness becomes hidden, only inferred from the images and characteristics present in the text. We emphasize that in the case of epitaphs, it is impossible to talk about the plot in the same way as in epic or dramatic works. Furthermore, a lyrical plot does not arise in such works, since the plot of the epitaph, which is not fully manifested in the text, can be reconstructed, although it is usually impossible to retell it. We highlight and describe plots that can be conventionally called “the death of the bride,” “the life of a righteous man,” a plot about an unremarkable life and its variations, including satirical and philosophical ones. We also separately discuss idyllic plots in epitaphs and consider epitaphs dedicated to animals, birds, and other unusual subjects (a bee, a purse, a calf, overlays, and high hairstyles). Thus, the study examines some plots characteristic of Russian poetic epitaphs from the 18th to the 20th centuries, using examples to analyze plot signs and the methods of their introduction into the text. We also demonstrate that literary epitaphs can use distortions of traditional formulaic phrases to create satirical content. Additionally, we have found that in epitaphs dedicated to any social phenomenon or object, the plot component can be almost entirely displaced from the text for the same satirical purpose.

Keywords

epitaph, literary epitaph, poetic epitaph, plot, epigram, satire, plot sign, epigram

For citation

Abramova K. V. Plots of Literary Epitaphs of the 18th – 20th Centuries. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2024, no. 4, pp. 5–67. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-4-5-17

Эпитафия – один из древнейших жанров, возникший в античной литературе и существовавший и в Средние века, и в эпоху Возрождения, и позднее ¹. Сущест-

¹ История и особенности формирования эпитафии как малого жанра, в том числе и в русской культуре, рассмотрена в монографии Т. С. Царьковой [1999], а также в статьях

вуют различные классификации эпитафий, в первую очередь различаются эпитафии реальные, т. е. надписи на надгробных камнях, стелах, саркофагах и т. д., и литературные. Под литературной эпитафией понимается фиктивная надпись, т. е. публикуемая, скажем, в сборнике стихов (см., например, определение, данное М. Л. Гаспаровым [ЛЭТП, 2001]). По замечанию Николаева, разграничение реальных и литературных эпитафий осложняется тем, что «литературная эпитафия стремится к полному подобию реальной, вплоть до сопроводительной пометы типа “высечена на надгробном камне”» [Николаев, 1989, с. 49]. Другой тенденцией, затрудняющей разграничение реальной и литературной разновидностей эпитафии, является то, что, по замечанию Л. К. Ильинского, на кладбищах в качестве эпитафий встречаются цитаты из широко известных поэтических произведений (подробнее об этом см.: [Царькова, 1999, с. 24]).

В рамках нашего исследования мы будем говорить именно о литературных эпитафиях, которые чаще всего написаны в стихотворной форме². В свою очередь, стихотворные эпитафии делятся на виды по различным основаниям для классификации, наиболее подробно разновидности эпитафий перечислены в работе Б. П. Иванюка [2022]. Нас же в первую очередь интересует аспект, практически не затронутый в других исследованиях, а именно сюжетная составляющая текстов русских стихотворных эпитафий XVIII–XX вв. Мы рассматриваем этот период, поскольку, как отмечают исследователи, на рубеже XVIII–XIX вв. в России произошел всплеск интереса к написанию литературных эпитафий [Николаев, 1989; Царькова, 1999], хотя надгробные надписи были популярны в русской культуре и в более ранние века (см., например, исследование об эпитафии как одном из массовых исторических источников Московской Руси XV–XVII вв. [Авдеев, 2019]³).

Стихотворная эпитафия – небольшое по объему произведение, как таковых событий в нем не описывается, кроме того, один из признаков эпитафии, часто выделяемый исследователями, – это формульность. Именно эта особенность жанра способствует тому, что в текстах разных авторов повторяются одни и те же образы⁴. С нашей точки зрения, сюжетные наметки вырастают именно из формульных фраз, характерных для этого жанра, и сама ключевая тематика текстов, основная функция которых поминовение умерших, подсказывает сюжетное наполнение текстов.

Сразу необходимо обговорить, что непроявленность сюжета в эпитафиях отличается от лирического сюжета, о котором Ю. Н. Чумаков писал: «Эпический и драматический сюжеты выдвинуты во внеаходимость, овеществлены, объективированы: события цепочкообразны и распадаются на отдельные звенья, тогда как лирический сюжет остается во внутреннем пространстве, заполняя его подвижным и разнонаправленным сверх-событием, в котором собраны всевозможные

других исследователей (см., например: [Мальчукова, 1978; Николаев, 1989; Ложкова, 2018; Гайнуллина, 2021]).

² Заметим, что жанровые особенности реальных эпитафий также становятся предметом изучения, см., например, исследования: [Китайгородская, Розанова, 2007; Проппинский, Яшин, 2017].

³ О надгробных надписях XV–XVI вв. Л. А. Беляев пишет, что они «находятся вне сферы литературы», принадлежат к «бытовым письменным жанрам» [Беляев, 1996, с. 256–257].

⁴ О формульности эпитафии см., например: [Веселова, 2006].

явления, сюжетные знаки и следы, переживания других людей, предметов и переживания переживаний» [Чумаков, 2019, с. 58]. Согласно размышлениям исследователя, «лирический сюжет – это лирический мир, который воспринимается весь сразу и целиком, и именно поэтому он внерационален, вненарративен, и его нельзя пересказать» [Там же].

Сюжетная составляющая эпитафий не обладает перечисленными характеристиками. Она не является сюжетом в том смысле, который вкладывается в это понятие, когда идет речь об эпических или драматических произведениях, но и отнести его к такому явлению, как лирический сюжет, на наш взгляд, нельзя. Сюжет эпитафии также сложно пересказать, поскольку в тексте лишь намеки на факты и события, связанные с образом человека, которому посвящена надгробная надпись, но в этих знаках «прочитывается», часто ассоциативно, тот или иной сюжет, а намеки на него становятся элементами, создающими цепочку событий, чего не может происходить, когда речь идет о лирическом сюжете.

Например, еще в античной традиции в эпитафиях возникает сюжет об умершей невесте, погибшей накануне свадьбы, при том что это не обязательно будет соответствовать реальной биографии той, кому посвящен текст. Знаки подобного сюжета можем найти и в русской стихотворной эпитафии, например в произведении Д. П. Ознобишина:

Покойся, милая, под урною печальной,
Как рановременно покинула ты нас!
Давно ль блистала ты, надев покров венчальный?
Давно ль в кругу родных звучал приветный глас?
Теперь скорбит отец, супруг в слезах рыдает,
Зовет прекрасную – увьи! ответа нет!
Она угаснула, как роза, в цвете лет,
Здесь прах – душа давно на небе обитает
[Русская стихотворная эпитафия..., 1998, с. 261] ⁵.

В приведенном тексте нет подробного описания событий, но присутствуют мотивы венчального наряда, невесты, покинувшей своих близких, не только супруга, но и отца («Теперь скорбит отец, супруг в слезах рыдает...»), что может также ассоциативно поддерживать образ совершаемого свадебного обряда, обернувшегося похоронным. Всё это образует названный сюжет, который не проявлен полностью в тексте, но, тем не менее, может быть восстановлен.

Небольшой объем произведения и лапидарность как важные жанровые признаки также способствуют тому, чтобы сюжетная составляющая текста эпитафии была максимально краткой, лаконичной. Это приводит к тому, что событийность становится скрытой, лишь угадывается, превращается в «наметки» сюжета. В большом количестве эпитафий традиционно приводится перечисление прижизненных заслуг умершего, и в нем мы также можем увидеть сюжетные знаки. Приведем в пример эпитафию преподобному отцу Епифанию, сочиненную Евфимием Чудовским:

Преходя, чловеце, zde став да взираеши,
Дондеже еще в мире сем обитаеши.

⁵ Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указывается номер страницы.

Зде бо лежит мудрей отец Епифаний,
Претолковник изящный священных писаний.
Философ и иерей во монасах честный,
Рцы же, да вселит его Господь в рай небесный
За множайшия его труды в писаниих,
Тщанномудролюбныя в претолкованиих.
Память ему да будет
Вечно и не отбудет
(с. 50).

В этом тексте не сообщается о каких-нибудь конкретных событиях из жизни отца Епифания, но перечисленные характеристики («Претолковник изящный священных писаний»; «Философ и иерей во монасах честный»; «...его труды в писаниих, / Тщанномудролюбныя в претолкованиих») складываются в сюжет, который можем условно назвать «жизнью праведника».

В эпитафиях, составленных на смерть известных людей, царей, полководцев и т. д., может содержаться больше подробностей, соотносимых с жизнью того, кому посвящен текст, но как таковой сюжет выявить очень сложно. Рассмотрим, например, известные стихи А. С. Шишкова, «для начертания на гробнице Суворова»:

Остановись, прохожий!
Здесь человек лежит на смертных не похожий:
На крылосе в глуши с дьячком он басом пел
И славою, как Петр иль Александр, гремел.
Ушатом на себя холодную лил воду
И пламень храбрости вливал в сердца народу.
Не в латах на конях, как греческий герой,
Не со щитом златым, украшенным всех паче,
С нагайкою в руках и на козацкой кляче
В едино лето взял полдюжины он Трой.
Не в броню облечен, не на холму высоком –
Он брань кровавую спокойным мерил оком
В рубахе, в шишаке, пред войсками верхом,
Как молния сверкал и поражал как гром.
С полками там ходил, где чуть летают птицы.
Жил в хижинах простых и покорял столицы.
Вставал по петухам, сражался на штыках;
Чужой народ его носил на головах.
Одною пищею с солдатами питался.
Цари к нему в родство, не он к ним причитался.
Был двух империй вождь, Европу удивлял;
Сажал царей на трон и на соломе спал
(с. 157).

В большом количестве фактов из жизни А. В. Суворова представлены его привычки, особенности характера, прочитывается сюжет о необыкновенной жизни, жизни героя, но пересказать его как сюжет эпический не представляется возможным.

В отдельную группу можно выделить эпитафии, в которых строится абсолютно противоположное двум предыдущим жизнеописание – не отличающееся ничем примечательным. Такое опрокидывание сюжета о жизни праведника превращает

содержание эпитафии в сатирическую зарисовку, что, в свою очередь, сближает ее с другим, хоть и родственным, жанром – с эпиграммой⁶. Например, «Надгробная Фавну» А. И. Попова:

Здесь Фавн лежит, по нем сей список дел остался:
Родился, ел, рос, жил до старости, скончался
(с. 97).

Мы видим здесь описание жизни человека, но наполненное такими действиями, которые воспринимаются как естественные и бессмысленные, и поскольку никаких других событий в этом перечне не возникает, то и жизнь Фавна воспринимается как пустая, ничем, кроме сказанного, не наполненная⁷.

В качестве другого варианта проявления такого сюжета, но представленного уже в более философском ключе, можно привести эпитафию Д. Д. Минаева «Перед могилой вельможи»:

Его в могилу опустили
И, стоя посреди могил,
«Зачем он умер?» – говорили,
А думал я: зачем он жил?
(с. 292).

В этом тексте не сообщается ни одного факта или события из жизни умершего, но через противопоставление риторических вопросов, с помощью которых создается общее представление о том, что жизнь героя оказалась ничем не примечательной, в тексте появляется сюжет о бессмысленности жизни, который опять же не поддается пересказу.

⁶ Отметим, что провести границу между эпиграммами и эпитафиями с сатирическим содержанием очень сложно. Т. Г. Мальчукова [1978] говорит о том, что именно литературная эпитафия чаще всего обладает чертами эпиграммы, хотя печатается в соответствующих антологиях или разделах творчества поэтов. Кроме того, в сборниках эпиграмм также появляются стихи, в которых присутствует посвящение умершему, приведенное в сатирическом ключе. Во многих теоретических работах говорится о том, что острота не является основным признаком эпиграммы: например, в теоретических рассуждениях немецких теоретиков литературы XVII–XVIII вв. выделяются лирические эпиграммы (см.: [Европейская поэтика..., 2010, с. 455–458]).

⁷ Можно привести и другие примеры. П. И. Шаликов сочинил эпитафию: «Он так на свете жил / Что эпитафии – увы!.. Не заслужил!» (с. 141). Сатирический эффект этой эпитафии строится на том, что содержанием становится сюжет о жизни, недостойной воспевания, недостойной даже эпитафии – само сочинение эпитафии опровергается ее тематикой. Другим примером с «абсурдным» окончанием может быть следующая анонимная надгробная надпись 1771 г.:

Великий в сем рифмач опочивает гробе,
С которым никому нельзя сравниться в злобе,
Всемирный клеветник, безбожник, подл и бешен.
Ах, смерть взяла того, кто должен быть повешен
(с. 173).

В автоэпитафиях⁸ этот сюжет также может быть проявлен, как, например, в «Эпитафии самому себе» С. Я. Маршака:

Жил на свете Маршак Самуил.
Он курил, и курил, и курил.
Все курил и курил он табак.
Так и умер писатель Маршак.
(с. 373).

Рассматриваемая тема здесь раскрывается с помощью повторения одного и того же слова, глагол «курил», с одной стороны, передает читателю описание длящегося, постоянно повторяющегося действия, которое, видимо, и могло привести к кончине героя. С другой стороны, складывается впечатление, что ничего кроме этого действия в жизни героя не происходило.

Примыкающими к сатирическим эпитафиям о бессмысленно прожитой жизни можно считать многочисленные тексты, посвященные скупому, пьянице, моту, игроку и т. д. Объединяет такие эпитафии и то, что в зависимости от того, какой порок олицетворяет герой эпитафии, складывается та или иная сюжетная канва. Например, событийные наметки в эпитафиях скупцу будут строиться на идее напрасно нажитого богатства, невозможности забрать его с собой, в эпитафиях моту – на рассказе о растраченных капиталах и долгах, пьянице – на отношении человека к алкогольным напиткам или же, напротив к воде, как в эпитафии В. А. Жуковского (поэту Семену Боброву):

Под камнем сим Бибрис лежит;
Он на земле в таком раздоре был с водою,
Что нам и из земли кричит:
Не плачьте надо мною!
(с. 209).

Н. В. Брагинская говорит о том, что каждая эпитафия в целом структурно мыслится вариантом другой, и это позволяет рассматривать эпитафию в качестве фольклорного жанра [Брагинская, 1983, с. 136]. На примере эпитафий, высмеивающих человеческие пороки, это прослеживается особенно явно. Так, например, шуточные эпитафии, адресованные жене, практически повторяют друг друга, например: «Сей камень над моей возлюбленной женой, / Ей там, мне здесь покой» (с. 207) или «Жена покойница здесь скрыта в мраке гроба! / Вот, слава Богу! Мы теперь покойны оба!» (с. 263).

С нашей точки зрения, литературная эпитафия, несмотря на то что сохраняет образы, связывающие ее с фольклорными корнями жанра, может выходить за рамки использования повторяющихся элементов, нарушать закрепившиеся формулы и приобретать индивидуальные, присущие только этому тексту черты. Как мы отмечали выше, сюжетное содержание эпитафии часто вырастает из формульных фраз, которые предписывает традиция. Но в литературной разновидности

⁸ Автоэпитафия – особая разновидность литературной эпитафии, которой может быть посвящено отдельное исследование. Сейчас отметим только, что в автоэпитафиях авторы могут использовать разнообразные речевые формулы и различные сюжетные знаки, поэтому с точки зрения выделения сюжетных составляющих автоэпитафии не будут входить в одну группу.

надгробных стихотворений встречаются случаи нарушения и искажения устоявшихся выражений.

Например, в эпитафии А. П. Бенитского традиционная формула, призывающая прохожего остановиться перед могилой умершего, заменена на прямо противоположную, призывающую бежать:

Прочь, прочь, прохожие! Вон там сатирик спит.
Кусался он живой, и мертвый, может быть,
Укусит». – «Мудрено истлевшему». – «Нимало:
Перо и злой язык суть два такие жала,
Что ввек не тупятся: гниет, а все язвит!»
(с. 155).

Похожий мотив появляется в анонимной эпитафии 1930-х гг.⁹, но он дополняется еще и искажением христианской формулы «раб(<a>) Божий(<ия>)), которая нередко присутствовала на надгробиях XIX в.¹⁰:

Под камнем сим лежит РАПП божий...
Чего ж ты пятишься, прохожий?
(с. 384).

Другим отступлением от ожиданий, связанных с данным жанром, становится выбор необычного субъекта, которому посвящен текст эпитафии. Мы подробнее остановимся на подобных мотивах ниже, но сейчас приведем в качестве примера «Эпитафию живому», которую сочинил Н. П. Николаев:

В сем доме погребен под страстию своей
Живущий для нее, умерший для людей
(с. 96).

Но вернемся к рассматриваемым разновидностям сюжетов в русских стихотворных эпитафиях XVIII–XX вв. Отдельно следует выделить эпитафии, в которых сюжет ничем не примечательной жизни имеет не сатирические, а философские коннотации. Например, в «Эпитафии бригадиру» И. И. Дмитриева мы можем увидеть пример сюжета о жизни, в которой не случилось ничего значительного, и этот нарратив ведет к размышлению, пусть и не выраженному явно, о смысле жизни:

Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах.
Вот жребий наш каков!
Живи, живи, умри – и только что в газетах
Осталось: выехал в Ростов
(с. 120).

Отметим здесь то, что фраза «выехал в Ростов» является своеобразным эвфемизмом¹¹, и в таком качестве используется в одном из предсмертных стихотворений П. А. Вяземского, входящих в цикл «Хандра с проблесками»:

⁹ Эпитафия найдена составителями издания «Русская стихотворная эпитафия», вышедшего в серии «Новая библиотека поэта», в комментариях они указывают: «Об авторе Иванов-Разумник писал: "...фамилию знаю, но не могу огласить"» (с. 585).

¹⁰ См. об этом подробнее: [Царькова, 1999, с. 9].

Что выехал в Ростов.
Дмитриев

«Такой-то умер». Что ж? Он жил да был и умер.
Да, умер! Вот и всё. Всем жребий нам таков.
Из книги бытия один был вырван номер.
И в книгу внесено, что «выехал в Ростов».
Мы все попутчики в Ростов. Один поране,
Другой так попоздней, но всем ночлег один:
Есть дорожная у каждого в кармане,
И похороны всем – последствие крестин.
А после? Вот вопрос. Как знать, зачем пришли мы?
Зачем уходим мы? На всем лежит покров,
И думают себе земные пилигримы:
А что-то скажет нам загадочный Ростов?
[Вяземский, 1986, с. 414].

Это стихотворение рассматривается М. М. Гельфонд в качестве возможного литературного источника стихотворения О. Мандельштама памяти Андрея Белого [Гельфонд, 2019]. И стихотворение П. А. Вяземского, и стихотворение О. Мандельштама посвящены теме осмысления смерти, и отсылка к эпитафии возникает не случайно, но в связи с сопоставлением всех указанных текстов необходимо сказать о сложности разграничения жанра эпитафии с другими лирическими жанрами, в которых используются танатологические темы.

Еще один вариант сюжета об обыкновенной жизни можно назвать пасторальным или идиллическим. В нем, как правило, тема радости беззаботного существования противопоставлена теме смерти, отбирающей всё, как, например, в эпитафии К. Н. Батюшкова:

Подруги милые! В беспечности игривой
Под плясовой напев вы резвитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой;
И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минуты радости вкусила:
Любовь в мечтах златых мне счастье сулила.
Но что ж досталось мне в прекрасных сих местах?
Могила!
(с. 214).

В качестве еще одного примера можно привести следующую эпитафию, написанную А. А. Фетом:

Любил он песням дев задумчиво внимать,
Когда на звуки их березник отзовется,
Любил о них поплакать, помечтать,
Под этой липою лениво отдыхать;
Теперь он спит – и не проснется
(с. 277).

Если в первом из приведенных текстов есть образы, которые напрямую отсылают к пасторальной поэтике, то во втором нет упоминаний Аркадии, полей

¹¹ О его происхождении см.: [Гельфонд, 2019].

и беззаботной жизни, но намеки на нее всё же присутствуют: их можно увидеть и в общем сентиментальном настроении стихотворения, и в природных мотивах («березник», «под этой липою»), и в мотивах, связанных с музыкальной темой («Любил он песням дев задумчиво внимать»).

К эпитафиям с идиллическим сюжетом, на наш взгляд, примыкают стихотворные тексты, в которых субъектом посвящения становится животное или птица. Например, в «Надгробной Рыжке» К. Ф. Рылеева дано описание жизни коня:

Когда ты одарен чувствительной душою,
Взгляни, прохожий, глубоко:
Под сею насыпью простою,
Увы, лежит Рыжко!
Его завидовали доле
Все лошади окрестных деревень,
И не дожидаться им вовек подобной холи!
Бывало, кучеру нет воли
Рыжка кнутом стегнуть за лень;
Ему особенное стойло,
И сена вдоволь, и овса,
И в Оредеже было роскошное пойло,
Работы ж в месяц – три часа
(с. 260).

Существует большое количество эпитафий, посвященных животным, среди которых чаще всего встречаются тексты о собаках (например, эпитафии А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина и др.), и птицам («Эпитафия попугаю» И. И. Дмитриева, «Эпитафия соловью, погребенному в саду любезными девицами» Г. А. Хованского, «Эпитафия маленькому павлину» В. В. Измайлова, «Эпитафия ласточке» А. Е. Измайлова и др.). В большинстве этих текстов присутствует мотив беззаботной, простой и радостной жизни, оборвавшейся из-за кончины наслаждавшегося этим существа, что отсылает к идиллическому сюжету, о котором мы говорили выше.

Но встречаются и другие сюжеты. Например, в «Эпитафии мопсу, погибшему от любви» А. Н. Нахимова появляется аллюзия на роман Гёте «Страдания юного Вертера», что вместе с заглавием заставляет читателя мысленно достроить сюжет о влюбленном, погибающем от неразделенных чувств:

Чувствительный! вздохни о Вертере втором,
Он так же страстен был, но только был с хвостом
(с. 163).

Кроме того, литературная эпитафия может быть посвящена и другим умершим существам или даже явлениям и предметам. Например, одна из эпитафий М. В. Ломоносова, в которой речь идет о пчелке, но подразумевается закрытие издававшегося А. П. Сумароковым журнала «Трудолюбивая пчела»:

Под сею кочкою оплачь, прохожий, пчелку,
Что не ленилася по мед летать на стрелку,
Из губ подъяческих там сладости собирать:
Кутья у них стоит, коль хочешь поминать
(с. 67).

Среди необычных адресатов эпитафии можем отметить еще кошелек («Надгробная кошелюшка» С. С. Пестова); накладки и высокие прически (эпитафия неизвестного автора); теленка («Эпитафия теленку» И. М. Долгорукова). Отметим, что в подобных текстах практически невозможно выделить сюжет (за исключением «Эпитафии теленку», в которой подробно описана роскошная жизнь, которую вел герой и с которой он вынужден распрощаться). Содержанием таких эпитафий становится использование традиционных для этого жанра мотивов с целью создания юмористического или даже сатирического эффекта, как, например, в «Эпитафии эпитафиям» И. И. Дмитриева:

Прохожий! Пусть тебе напомнит этот стих,
Что все на час под небесами:
Поутру плакали о смерти мы других,
А к вечеру скончались сами ¹²
(с. 119).

Список литературы

- Авдеев А. Г. Эпитафия как объект чтения в Московской Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. 2019. Т. 38. С. 238–254.
- Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити, 1996. 563 с.
- Брагинская Н. В. Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 119–139.
- Веселова В. Эпитафия – формульный жанр // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 133–145.
- Вяземский П. А. Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан. Л.: Сов. писатель, 1986. 542 с. (Б-ка поэта. Большая серия)
- Гайнуллина А. Д. Литературная эпитафия: проблема жанровой специфики // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сб. ст. XLII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 15 февраля 2021 г.). Пенза, 2021. С. 142–144.
- Гельфонд М. М. О возможном источнике мандельштамовской эпитафии А. Белому // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 65–72.
- Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. 512 с.
- Иванюк Б. П. Эпитафия стихотворная: словарный формат // Philologos. 2022. № 2 (53). С. 46–53.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. К характеристике жанра современной эпитафии в социокультурном аспекте // Жанры речи. 2007. № 5. С. 232–247.
- ЛЭТП – Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. 1596 стб.

¹² Написание этой эпитафии-эпиграммы связано с объявленным в «Вестнике Европы» конкурсом на создание эпитафий Богдановичу, на который откликнулись многие. И. И. Дмитриев написал этот текст для того, чтобы положить конец этому конкурсу. О предыстории создания «Эпитафии эпитафиям» см. подробнее: [Русская стихотворная эпитафия..., 1998, с. 498].

Ложкова А. В. Литературная эпитафия: проблема жанровой специфики // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2018. № 4. С. 56–64.

Мальчукова Т. Г. Жанр и композиция эпитафии (Проблемы исследования) // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1978. С. 130–156.

Николаев С. И. Проблемы изучения малых стихотворных жанров (Эпитафия) // XVIII век. 1989. Т. 16. С. 44–55.

Пропирный Н. Г., Яшин А. С. «Прохожий, ты идешь, но ляжешь так, как я...» (московские стихотворные эпитафии XX в.) // Живая старина. 2017. № 3 (95). С. 8–12.

Русская стихотворная эпитафия / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С. И. Николаева, Т. С. Царьковой. СПб.: Академический проект, 1998. 720 с.

Царькова Т. С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков. Источники. Эволюция. Поэтика. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1999. 198 с.

Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. М., 2019. 120 с.

References

Avdeev A. G. Epitafiya kak ob"ekt chteniya v Moskovskoi Rusi [Epitaph as object of reading in the Moscow Russia]. *Auxiliary historical disciplines*, 2019, vol. 38, pp. 238–254. (in Russ.)

Belyaev L. A. Russkoe srednevekovoe nadgrobie: belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoi Rusi XIII–XVII vv. [Russian medieval tombstone: white stone slabs of Moscow and North-Eastern Rus' of the 13th – 17th centuries]. Moscow, Modus-Graffiti, 1996, 563 p. (in Russ.)

Braginskaya N. V. Epitafiya kak pis'mennyi fol'klor [Epitaph as written folklore]. In: *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and Structure]. Moscow, 1983, pp. 119–139. (in Russ.)

Chumakov Yu. N. V storonu liricheskogo syuzheta [Towards the lyrical plot]. Moscow, 2019, 120 p. (in Russ.)

Evropeiskaya poetika ot antichnosti do epokhi Prosveshcheniya: Entsiklopedicheskiy putevoditel' [European Poetics from Antiquity to the Age of Enlightenment: An Encyclopedic Guide]. Moscow, 2010, 512 p. (in Russ.)

Gaynullina A. D. Literaturnaya epitafiya: problema zhanrovoi spetsifiki [Literary Epitaph: The problem of genre specificity]. In: *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Fundamental and applied scientific research: current issues, achievements and innovations]. Collection of articles of the XLII International scientific and practical conference (Penza, February 15, 2021). Penza, 2021, pp. 142–144. (in Russ.)

Gelfond M. M. O vozmozhnom istochnike mandel'shtamovskoi epitafii A. Belomu [On the possible source of Mandelstam's epitaph to A. Belyy]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2019, no. 2, pp. 65–72. (in Russ.)

Ivanyuk B. P. Epitafiya stikhotvornaya: slovarnyi format [Epitaph in Poetry: Dictionary Format]. *Filologos*, 2022, no. 2 (53), pp. 46–53. (in Russ.)

Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. K kharakteristike zhanra sovremennoi epitafii v sotsiokul'turnom aspekte [On the characteristics of the genre of modern epitaph in the socio-cultural aspect]. *Speech Genres*, 2007, no. 5, pp. 232–247. (in Russ.)

Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2001, 1596 columns. (in Russ.)

Lozhkova A. V. Literaturnaya epitafiya: problema zhanrovoi spetsifiki [Literary Epitaph: The Problem of Genre Specificity]. *Ural Philological Herald. Series: Russian Classics: Dynamics of Artistic Systems*, 2018, no. 4, pp. 56–64. (in Russ.)

Malchukova T. G. Zhanr i kompozitsiya epigrammy (Problemy issledovaniya) [Genre and composition of the epigram (Research problems)]. In: Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya [Genre and composition of literary work]. Interuniversity collection. Petrozavodsk, Petrozavodsk Uni. Press, 1978, pp. 130–156. (in Russ.)

Nikolaev S. I. Problemy izucheniya mal'kh stikhotvornykh zhanrov (Epitafiya) [Problems of studying small poetic genres (Epitaph)]. *18th Century*, 1989, vol. 16, pp. 44–55. (in Russ.)

Propirnyy N. G., Yashin A. S. “Prokhozhiy, ty idesh’, no lyazhesh’ tak, kak ya...” (moskovskie stikhotvornye epitafii XX v.) [“Passerby, you are walking, but you will lie down like me...” (Moscow poetic epitaphs of the 20th century)]. *Living Antiquity*, 2017, no. 3 (95), pp. 8–12. (in Russ.)

Russkaya stikhotvornaya epitafiya [Russian poetic epitaph]. Intr. art., comp., prep. of text and notes by S. I. Nikolaev, T. S. Tsarkova. St. Petersburg, Academic project, 1998, 720 p. (in Russ.)

Tsarkova T. S. Russkaya stikhotvornaya epitafiya XIX–XX vekov. Istochniki. Evolyutsiya. Poetika [Russian poetic epitaph of the 19th – 20th centuries. Sources. Evolution. Poetics]. St. Petersburg, Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr “Blik”, 1999, 198 p. (in Russ.)

Veselova V. Epitafiya – formul’nyi zhanr [Epitaph is a formulaic genre]. *Questions of Literature*, 2006, no. 2, pp. 133–145. (in Russ.)

Vyazemsky P. A. Stikhotvoreniya [Poems]. Introd. art. by L. Ya. Ginzburg; ed., prep. of the text and notes by K. A. Kumpan. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1986, 542 p. (in Russ.) (Biblioteka poeta. Bol’shaya seriya [Library of the poet. A large series])

Информация об авторе

Ксения Вадимовна Абрамова, кандидат филологических наук

Information about Author

Ksenia V. Abramova, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 15.11.2024;
одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 13.12.2024
The article was submitted on 15.11.2024;
approved after reviewing on 13.12.2024; accepted for publication on 13.12.2024